

ВУРТАЛЬ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1834.

II.

СЛОВЕСНОСТЬ И НАУКИ.

1.

О Т Р Ы В О К Ъ ИЗЪ ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ.

Томъ I, Книжа I, Глава I. ()*

I. Какое ужасно-ничтожное время представляеть для Россіи XIII вѣкъ! Сошнн мелкнхъ Государствъ единовѣрныхъ, одноплемяныхъ, одинавычнхъ, означенныхъ однимъ общимъ характеромъ, и копорыхъ казалось прошивъ воли соединяло родство — эти мелкія Государства такъ были между собою разъединены, какъ рѣдко случается съ разнохарактерными народами. Они были разъединены не неависпью — сильныя спраспн не досягали сюда — ни поспоянною Политикою — слѣдствіемъ непреклоннаго ума и познанія жизни. Это былъ хаосъ браней за временное, за минупное, браней разрушительныхъ, поному что онѣ мало по ма-

(*) Авторъ набралъ первую главу Исторіи Малороссіи для помѣщенія въ Журналъ, потому что она представляеть нѣчто цѣлое и выисѣ служить введеніемъ въ самую Исторію. Приложенія и ссмысли оспавляются за недостаткомъ мѣста.

ду извели народный характеръ, едва начинавшій приниматъ опличительную физиогномію при сильныхъ Норманскихъ Князьяхъ. Религія, копорая болѣе всего связываетъ и образуесть вароды, мало на нихъ дѣйствовала. Религія не срослась погда пѣсно съ законами, съ жизнью. Монахи, Наспоятели, даже Милпрополипы были схишники, удалившіеся въ свои кельи и закрывшіе глаза для міра; молившіеся за всѣхъ, но не знавшіе, какъ схватипшь съ помощью своего сильного оружія Вѣры властп надъ народомъ и возжечь эшой Вѣрой пламень и ревность до энпузіазма, копорый одинъ властень соединипшь младенчествующіе народы и наспроишь ихъ къ великому. Здѣсь была совершенная пропипвоволожность Западу, гдѣ самодержавный Папа, какъ будпо невидимую паупиною опупалъ всю Европу своею религіозною властпю, гдѣ его могущественное слово прекращало брань, или возжигало ее, гдѣ угроза спрашнаго проклятія обуздывала спраспи и полудикіе народы. Здѣсь монастыри были убѣжищемъ пѣхъ людей, копорые крпоспью и незлобіемъ составляли исключеніе изъ общаго характера и вѣка. Изрѣдка Пастыри изъ пещеръ и монастырей увѣщали Удѣльныхъ Князей; но ихъ увѣщаніи были напрасны: Князья умѣли полько постпипшься и спроишь церкви, и думали, что исполняютъ эпимъ всѣ обязанности Христіанской Религіи, а не умѣли считапшь ее закономъ и покоряпшься ея велѣніямъ. Самыя ничпожныя причины раждали между ими безконечныя войны. Это были не споры Королей съ Вассалами, или Вассаловъ съ Вассалами:—нѣтъ! это были брави

между родственниками, между родными братьями, между олицемъ и дѣшми. Не ненависть, не сильная спрась воздымала ихъ: — нѣтъ! братъ брата рѣзалъ за клочекъ земли или проспо, чпобы показатъ удалство. Примѣръ ужасный для народа! Родство рушилось, попому чпо кипели двухъ со-сѣднихъ Удѣловъ, родственники между собою, гоповы были каждую минупу возспатъ другъ пропявъ друга съ яростью волковъ. Ихъ не подвигала на это наследственная вражда, попому чпо кпо былъ сегодня другъ, топъ завтра дѣмался непріателемъ. Народъ пріобрѣлъ хладнокровное звѣрство, попому чпо онъ рѣзалъ, самъ не зная за чпо. Его не разжигало ни одно сильное чувство, ни фанатизмъ, ни суевѣріе, ни даже предрасудокъ. Опъ того казалось умерли въ немъ почти всѣ человѣческія сильныя благородныя спраспи, и если бы явился какой нибудь Геній, который бы захопѣлъ тогда съ этимъ народомъ совершить великое, онъ бы не нашель въ немъ ни одной спруны, за которую бы могъ ухватишься и попряспи безчувственной со-спавъ его, выключая развъ физической, желѣзной силы. Тогда Испорія, казалось, заспыла и превратилась въ Географію: однообразная жизнь, шевелившаяся въ частяхъ и неподвижная въ цѣломъ, могла почеспья географическою принадлежностью спраны.

II. Тогда случилось дивное происшествіе. Изъ Азіи, изъ средины ея, изъ степей, выбросившихъ сполько народовъ въ Европу, поднялся самый спрашный, самый многочисленный, совершившій сполько завоеваній, сколько до него, не производилъ никто. Ужасные Монголы, съ многочисленными, никогда

дополъ не виданными Европою шабунами, кочевыми кибитками, хлынули на Россію, освѣпшій пупъ свой пламенемъ и пожарами — прямо Азіатскимъ буйнымъ наслажденіемъ. Это нашествіе наложило на Россію двухъ-вѣковое рабство и скрыло ее отъ Европы. Было ли оно спасеніемъ для нее, сберегши ее для независимости, потому что Удѣльные Князья не сохранили бы ее отъ Литовскихъ завоевателей, или оно было наказаніемъ за шѣ непрерывныя браны: какъ бы то ни было, но это спрашное событіе произвело великія слѣдствія: оно наложило иго на сѣверныя и среднія Русскія Княженія, но дало между тѣмъ происхождение новому Славянскому поколѣнію въ Южной Россіи, котораго вся жизнь была борьба и котораго Исторію я взялся представить.

III. Южная Россія болѣе всего поспрадала отъ Татаръ. Выжженные города и степи, обгорѣлые лѣса, древній, разрушенный Кіевъ, безлюдье и пустыня — вопль что представляла эта несчастная страна! Испуганные жители разбѣжались или въ Польшу, или въ Литву; множество Бояръ и Князей вышло въ Сѣверную Россію. Еще прежде народонаселеніе начало замѣтно уменьшаться въ этой странѣ. Кіевъ давно уже не былъ столицей; вначительныя владѣнія были гораздо сѣвернѣе. Народъ, какъ бы понимая самъ свою ничтожность, оставялъ тѣ мѣста, гдѣ разнообразная Природа начинаешь спановишься изобрѣтательницею; гдѣ она раскинула степи прекрасныя, вольныя, съ безчисленнымъ множествомъ шравъ почти гигантскаго роста, часто неожиданно среди нихъ опрокинула косогорь, убранный дикими вишнями, черешнями,

или обрушила рышвию всю въ цѣвѣтахъ и по всѣмъ вьющимся лѣнпамъ рѣкъ разбросала очаровательные виды, пропаянула во всю длину Днѣпръ съ ненасытными порогами, съ величественными гористыми берегами и неизмѣримыми лугами, и все это согрѣла умѣреннымъ дыханіемъ Юга. Онъ оставалъ для мѣста и сшолплялся въ той частіи Россіи, гдѣ мѣстоположеніе, однообразно-гладкое и ровное, вездѣ почти болопистное, испытанное печальными едями и соснами, показывало не жизнь живую, исполненную движенія, но какое-то прозябеніе, поражающее душу мыслящаго. — Какъ будто бы энымъ подтвердилось правило, что только народъ сильный жизнью и характеромъ ищетъ мощныхъ мѣстоположеній или что только смѣлыя и поразительныя мѣстоположенія образуютъ смѣлый, спростный, характерный народъ.

IV. Когда первый опрачь прошелъ, тогда мало по малу выходцы изъ Польши, Литвы, Россіи начали селипся въ этой землѣ, настоящей ошчизнѣ Славянъ, землѣ древнихъ Полянъ, Сѣверянъ, чистыхъ Славянскихъ племень, копорыя въ Великой Россіи начинали уже смѣшивашься съ народами Финскими, но здѣсь сохранялись въ прежней цѣлности со всѣми языческими повѣрьями, дѣпскими предразсудками, пѣснями, сказками, Славянской Мифологіей, шакъ просподушно у нихъ смѣшавшейся съ Христіанствомъ. Возвращавшіеся на свои мѣста прежніе жители привели по слѣдамъ своимъ и выходцевъ изъ другихъ земель, съ которыми отъ долговременнаго пребыванія соспавили связи,

Это населеніе производилось боязливо и робко, попому что ужасный кочевой народъ былъ не за горами: ихъ раздѣляли, или лучше сказать, соединяли одні спеси. Не смотря на песпрому населенія, здѣсь не было тѣхъ браней междоусобныхъ, которыя не переспавали во глубинѣ Россіи: опасность со всѣхъ сторонъ не давала возможности заниматься ими. Кіевъ — древняя маперъ городовъ Русскихъ — сильно разрушенный спрашными обладаателями шабуновъ, долго оспавался бѣдень и едва ли могъ сравниться со многими, даже не слишкомъ значительными городами Сѣверной Россіи. Всѣ оспавили его, даже Монахи-Лѣтописцы, для которыхъ онъ всегда былъ священъ. Извѣстія о немъ разомъ прервались, и не смотря на то, что памъ оспавалась еще опрасль Князей Русскихъ, ничто не спасло его отъ нодувѣковаго забвенія. Изрѣдка только, какъ будпо сквозь сонъ, говорятъ Лѣтописцы, что онъ былъ спрашно разоренъ; что въ немъ были Ханскіе Баскаки, — и попомъ онъ отъ нихъ задернулся какъ бы непроцицаемою завѣсою.

V. Между тѣмъ какъ Россія была довергнута Ташарами въ бездѣйствіе и оцепенѣніе, великій язычникъ Гедиминъ вывелъ на сцену тогдашней Испоріи новый народъ, народъ бѣдный и жизнью и средствами для жизни, населявшій дикіе сосновые лѣса нынѣшней Бѣлоруссіи, еще носившій звѣриную кожу вмѣсто одежды, еще богопворившій Перуна и поклонявшійся древнему огню въ не проганныхъ шопоромъ рощахъ, плапившій прежде дань Русскимъ Князьямъ, извѣстный подъ именемъ Ли-

помощью. И эполтъ народъ при своемъ Князѣ Гедимицѣ сдѣлался самымъ виднымъ на огромномъ Сѣверовостоцкѣ Европы! Тогда города, Княжества и народы на Западѣ Россіи были какіе-то отрывки, обрѣзки, оспавшіеся за гранью Татарскаго порабощенія. Они не составляли ничего цѣлаго, и потому Липовскій завоеватель почти однимъ движеніемъ латышскихъ войскъ своихъ, совершенно соотданныхъ имъ, подвергъ своей власти весь промежутокъ между Польшей и Татарской Россіей. Потомъ двинулъ онъ войска свои на Югъ, во владѣнія Волынскихъ Князей. Весьма естественнo, что усцѣхъ сопровождалъ его вездѣ. Въ Луцкѣ однакъ Князь Левъ сильно сопротивлялся, но не къ силахъ былъ отстоять земель своихъ. Гедиминъ, назначивъ Спароспъ и начальниковъ, шелъ дадѣ на Югъ, къ самому сердцу Южной Россіи, къ Киеву. Убѣжавшій Луцкій Князь Левъ успѣлъ кое-какъ уговорить Киевскаго Князя Спанислава выйти съ своими немногочудными дружинами на встрѣчу грозному побѣдителю: дружины были усилены союзниками Татарами; но все бѣжало передъ мощнымъ Липовцемъ. Гедиминъ, сильно поразивъ ихъ, прирѣкъ Ирпеша, вступилъ съ торжествомъ въ Киевъ, носившій на себѣ свѣжую печать Татарскаго посѣщенія, и поспановилъ въ немъ правителемъ Князя Миндова Ольшадскаго, привявшаго Греческую Вѣру. И такъ Липовскій завоеватель у самыхъ Татаръ вырвалъ почти передъ глазами ихъ находившуюся землю! Это должно бы, казалось, возбудить борьбу между двумя народами, но Гедиминъ былъ челоуѣкъ ума крѣпкаго, былъ Полиптикъ, не смотря на види-

мую свою дикость и свое нецѣлостивенное время. Онъ умѣлъ сохранить дружбу съ Ташарами, владѣя опіятыми у нихъ землями и не платя цикакой дани. Эпошъ дикій Полишкѣ, не знавшій письма и поклонявшійся языческому богу, въ у одного изъ покоренныхъ имъ вародовъ не измѣнилъ обычаевъ и древняго правленія; все оставилъ по прежнему, подшвердилъ всѣ привилегіи и спарщинамъ строга приказалъ уважать народныя права; нигдѣ даже не означилъ пуши своего олуспошеніемъ. Совершенная ничпожностъ окружавшихъ его вародовъ и прямо историческихъ лицъ придають ему какой-то исподлинной размѣръ. Онъ умеръ въ 1340 году; мершты былъ посаженъ на коня съ своимъ оруженосцемъ, съ охощичьими собавами, соволами, и соженъ по языческому обычаю Липовцевъ. Вслѣдъ за нимъ такіе же два сильные характера, Ольгердъ и Ягайло, вознесли Липву, употребляя ту же самую Полишкѣ съ присоединенными народами.

VI. И вопшь Южная Россія, подъ могущественнымъ покровительствомъ Липовскихъ Князей совершенно отдѣлилась отъ Сѣверной. Всякая связь между ими разорвалась; составились два Государства, называвшіяся одинакимъ именемъ — Русью. Одно подъ Ташарскимъ игомъ, другое подъ однимъ скипетромъ съ Липовцами. Но уже сношеній между ими не было. Другіе законы, другіе обычаи, другая цѣль, другія связи, другіе подвиги составили на время два совершенно различные характера. Какимъ образомъ это произошло, составляетъ цѣль нашей Исторіи. Но прежде всего нужно бросить взглядъ на географическое положеніе эдой справы: что

непрѣмѣнно должно предшествовать всему, ибо отъ вида земли зависящъ образъ жизни и даже характеръ народа. Многое въ Исторіи разрѣшается Географіа.

Эта земля, получившая послѣ названіе Украйны, проопирающаяся на Сѣверъ не далѣе 50° Широты, болѣе ровна, нежели гориста. Небольшія возвышенности встрѣчаются очень часто, но ни одной гористой цѣпи. Сѣверная ея часть перемежается лѣсами, содержащими прежде въ себѣ цѣлыя шайки медвѣдей и дикихъ кабановъ; южная вся открыта, вся изъ степей, житѣвшихъ плодородіемъ, но только изрѣдко засѣвавшихся хлѣбомъ. Дѣвственная и могучая почва ихъ своевольно произращала безчисленное множество травъ. Эти степи житѣли ошадами сайгъ, оленей и дикихъ лошадей, бродившихъ стабунами. Съ Сѣвера на Югъ проходитъ великій Днѣпръ, опущенный вѣтвями впадающихъ въ него рѣкъ. Правой берегъ его гористъ и представляешь пѣнистый и вмѣстѣ дерзкія мѣстоположенія; лѣвый весь изъ луговъ, покрытыхъ рощами, попопавшимися водою. Дѣвнадцать пороговъ—выросшихъ изъ dna рѣки скаль, не далеко отъ впаденія его въ море, преграждаютъ теченіе и дѣлають плаваніе по немъ чрезвычайно опаснымъ. Около пороговъ водился родъ дикихъ козь *Сугаки*, съ бѣлыми, лоснящимися рогами, съ мягкою, апласною шерстью. Прежде воды въ Днѣпрѣ были выше, разливались онѣ шире и далѣе попоплавля луга свои. Когда воды начинаютъ опадать, тогда видѣ поразишель: всѣ возвышенности выходятъ и кажутся безчисленными зелеными осировами среди не-

обозримаго океана воды. Въ Днѣпръ впадаетъ только одна судоходная рѣка, Десна, проходящая въ Сѣверной Украинѣ, съ лѣсисстыми берегами, почва съ обѣихъ сторонъ пополаемыми водою; но и эта рѣка только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ судоходна. Кромѣ того на Сѣверѣ Осперъ и часть Сейма, на Югѣ Сула, Псель, съ цѣлью видовъ, Хороль и другія; но ни одна изъ нихъ не судоходна. Сообщенія никакого нѣтъ; произведенія не могли взаимно размѣниваться—и потому здѣсь не могъ и возникнуть торговый народъ. Всѣ рѣки развѣтвляющіяся по срединѣ; ни одна изъ нихъ не протекла на рубежъ и не служила естественною гранью съ сосѣдственными народами. Къ Сѣверу ли съ Россіей, къ Востоку ли съ Кипчакскими Татарями, къ Югу ли съ Крымскими, къ Западу ли съ Польшей—вездѣ она граничила полемъ, вездѣ равнина, со всѣхъ сторонъ открытое мѣсто. Будь хопи съ одной стороны естественная граница изъ горъ или моря—и народъ, поселившійся здѣсь, удержалъ бы полипическое бытіе свое, составилъ бы опидѣльное Государство. Но беззащитная, открытая земля эта была землей опустошеній и набѣговъ, мѣстомъ, гдѣ сшибались три враждующія націи, унавожена кослями, утучнена кровью. Одинъ Татарскій наѣздъ разрушалъ весь шрудъ земледѣльца: дуга и нивы были вытаптываемы конями и выжигаемы, легкія жилища сносились до основанія, обитатели разгоняемы или угоняемы въ плѣнъ вмѣстѣ съ скотомъ. Это была земля страха; и потому въ ней могъ образоваться только народъ воинственный, сильный своимъ соединеніемъ, народъ опидѣльный.

цалиный, кошорога вся жизнь была бы повица и взмелеяца войною. И вопль выходцы вольные и невольные, бездомные, шѣ, кошорымъ нечего было перяшь, кошорымъ жизнь — копейка, кошорыхъ буйная воля не могла перпѣль законовъ и власпи, кошорымъ вездѣ грозила висѣлица, расположились и выбрали самое опасное мѣсто въ виду Азіатскихъ завоевателей—Татаръ и Турковъ. Эпа шолпа, разросшихся и увеличившихся, составила цѣлый народъ, иабросившій свой характеръ и, можно сказать, кошорилъ на всю Украину, сдѣлавшій чудо — превратившій мирныя Славянскія поколѣнія въ воинственныя, извѣстный подъ именемъ Казаковъ, народъ, составляющій одно изъ замѣчательныхъ явленій Европейской Истории, кошорое, можетъ быть, одно сдержало эпо опустошительное разлитіе двухъ Магомеланскихъ народовъ, грозившихъ поглотить Европу.

VII. Если не къ концу XIII, шо къ началу XIV вѣка можно опнеспи появленіе Казачества, къ шѣмъ вѣкамъ, когда свѣдая, сильная ревность къ Религіи еще ве ошмыа въ Европѣ, когда почти вдругъ во всѣхъ концахъ безпреспанно образовывались Брашства и Ордена Рыцарскіе, составлявшіе спрванную пропивоположность съ погдашнимъ разединеніемъ, съ изумительнымъ самоопверженіемъ разрушившіе и опвергнувшіе условія обыкновенной жизни, безбрачныя, суровые, неопразимые, согладащан дѣль міра, желѣзные поборивки Вѣры Христовой. Чѣмъ слабѣе была связь погдашнихъ Государствъ, шѣмъ сильнѣе росла ужасная сила энихъ Обществъ. Разлитіе Магомеланства и Магомелан-

скихъ воюющихъ сильныхъ народовъ, уже врывавшихся въ Европу, увеличивало ихъ еще болѣе. Духъ этихъ Брагмановъ распространялся вездѣ и не между Рыцарями и не для подобныхъ предназначеній. Въ это время явился близъ пороговъ городовъ или оспроговъ Чердасы, построенный удалыми выходцами, имя котораго звучитъ обитателями Кавказа, котораго даже построение многіе приписываютъ имъ и гдѣ было главное сборище и мѣстопребываніе Казаковъ. Въ началѣ частыхъ нападеній Ташаръ на сѣверную часть Украины заставляли жипелей спасаться бѣгствомъ, приспавать къ Казакамъ и увеличивать ихъ общество. Это было простое сборище самыхъ опчаянныхъ людей пограничныхъ націй. Дикій Горещъ, ограбленный Россіяниномъ, убѣжавшій отъ деспотизма Пановъ Польскій холопъ, даже бѣглець Исламизма Ташаринъ, можетъ быть, положили первое начало этому странному обществу по ту сторону Днѣпра, въ послѣдствіи послановившему цѣлю, подобно Орденскимъ Рыцарямъ, вѣчную войну съ Невѣрными. Это скопище людей не имѣло никакихъ укрѣпленій, ни одного замка. Землянки, пещеры и пайники въ Днѣпровскихъ утесахъ, часомъ подъ водою, на Днѣпровскихъ островахъ, въ гущѣ степной травы, служили имъ укрытіемъ для себя и для награбленныхъ богатствъ. Гнѣздо этихъ хищниковъ было невидимо; они налетали внезапно и, схвативши добычу, возвращались назадъ. Они поворопили противъ Ташаръ ихъ же образъ войцы, тѣ же Азіатскіе набѣги. Какъ жизнь ихъ опредѣлена была на вѣчный страхъ, такъ точно съ своей стороны они рѣшились быть спра-

жомъ для сосѣдей. Татары и Турки должны были всякой часъ ожидать энихъ неумолимыхъ обипашелей пороговъ. Магомешанскій сосѣдь не зналъ, какъ называлъ этой ненавистный народъ. Если кто хопѣлъ къ кому выразишь величайшее презрѣніе, то называлъ его Казакомъ.

VIII. Бѣлая часть эгого общества состояла однакожь изъ первобытныхъ, коренныхъ обипашелей Южной Россіи. Доказательство въ языкъ, который, не смотря на принятіе множества Татарскихъ и Польскихъ словъ, имѣлъ всегда число Славянскую южную физиогномію, приближавшую его къ погоданному Русскому, и въ Вѣрь, которая всегда была Греческая. Всякой имѣлъ полную волю приславать къ этому обществу, но онъ долженъ былъ непременно принять Греческую Религію. Это общество сохраняло всѣ тѣ черпы, которыми рисуютъ шайку разбойниковъ; но, бросивши взглядъ глубже, можно было увидѣть въ немъ зародышъ полипическаго плѣа, основаніе характернаго народа, уже въ началѣ имѣвшаго одну главную цѣль—воевать съ Невѣрными и сохранять чиспопу Религіи своей. Это однакожь не были спроте Рыцари Капюлическіе: они не налагали на себя никакихъ обѣповъ, никакихъ постовъ; не обуздывали себя воздержаніемъ и умерщвленіемъ плоти; были неукротимы, какъ ихъ Дыпровскіе пороги, и въ своихъ неисповыхъ пирпешвахъ и бражничествѣ позабывали весь міръ. То же тѣсное братство, которое сохраняется въ разбойничьихъ шайкахъ, связывало ихъ между собою. Все было у нихъ общее—вино, цехины, жилища. Вѣчный спрахъ, вѣч-

ная опасность внушала имъ какое-то презрѣніе къ жизни. Казакъ больше забоишся о доброй мѣрѣ вина, нежели о своей участи. Но въ нападеніяхъ видна была вся гибкость, вся смѣпливость ума, все умѣнье пользоваться обстоятельствомъ. Нужно было видѣть этого обипапеля пороговъ въ полушаптарскомъ, полупольскомъ костюмѣ, на кофторомъ такъ рѣзко оппечатавалась пограничность земли, Азіатски мчавшагося на конѣ, пропадавшаго въ густой правѣ, бросавшагося съ быспропотоу ппигра изъ непримѣпныхъ пайниковъ своихъ, или выдѣзавшаго внезапно изъ рѣки или болопа, обѣшаннаго шиною и грязью, казавшагося спрашилицемъ бѣгущему Тапарину. Эпото же самой Казакъ послѣ набѣга, когда гулль и бражничалъ съ своими ловарищами, сорилъ и разбрасывалъ на-трабленныя сокровища, былъ безсмысленно пьянъ и безпеченъ до новаго набѣга, если шолько не предупреждали ихъ Тапары, не разгоняли ихъ пьяныхъ и безпечныхъ и не разрывали до основанія городка ихъ, копорый, какъ будпо чудомъ, спроился вновь, и опустошипельный ужасный набѣгъ былъ оппмщеніемъ. Послѣ чего снова та же безпечность, та же разгульная жизнь.

IX. Казалось, существованіе эпото народа было вѣчно. Онъ никогда не уменьшался: выбывшіе, убитые, попонувшіе замѣнялись новыми. Такая разгульная жизнь приманивала всякаго. Тогда было поэпическое время, когда все добывалось саблею; когда каждый въ свою очередь спремился быть дѣйшвующимъ лицомъ, а не зрпшелемъ. Эпо скопленіе мало по малу получило совершенно

одинъ общій характеръ и національность, и чѣмъ ближе къ концу XV вѣка, тѣмъ болѣе увеличивалось приходившими вновь. Наконецъ цѣлыя деревни и села начали поселяться съ домами и семействами около этого грознаго оупота, чтобы пользоваться его защитою, съ условіемъ за нѣкошорыхъ повинностей. И такимъ образомъ мѣста около Кіева начали нустѣпть, а между тѣмъ по ту сторону Днѣпра люднѣли. Семейные и женатые мало по малу опть обращенія и сношенія съ ними получали топть же воинственннй характеръ. Сабля и плуть сдружились между собою и были у всякаго селянина. Между тѣмъ разгульные холоспяки вмѣсптъ съ червонцами, цехинами и лошадьми спали похищатъ Татарскихъ женъ и дочерей и женились на нихъ. Опть этого смѣшенія черпы лица ихъ, въ началѣ разнохарактерныя, получили одну общую физиогномію, болѣе Азіатскую. И вопть составился народъ, по Вѣрѣ и мѣспу жительства принадлежавшій Европѣ, и между тѣмъ по образу жизни, обычаямъ, костюму совершенно Азіатскій, народъ, въ которомъ такъ спранно сполкнулись двѣ противоположныя Части Свѣта, двѣ разнохарактерныя спихіи: Европейская оспорожность и Азіатская безпечность, простодушіе и хитрость, сильная дѣяпельность и величайшая лѣнь и нѣга, спремленіе къ развитію и усовершенствованію и между тѣмъ желаніе казатъся пренебрегающимъ всякое совершенствованіе.

Н. Гоголь.

О МАЛОРОССИЙСКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

Только въ послѣдніе годы — въ эти времена сѣмренія къ самобытности и собспвевной народной Поэзіи, обрапили на себя вниманіе Малороссійскія Пѣсни, бывшія до того скрыпыми опъ образованнаго общества и державшіяся въ одномъ народѣ. Доказательствомъ этому служатъ вышедшія недавно изданія Гг. Максимовича и Срезневскаго. До того времени одна только очаровательная музыка ихъ изрѣдка заносилась въ высшій кругъ, слова же оспавались безъ вниманія и почти ни въ комъ не возбуждали любопытства. Даже музыка ихъ въ появлялась викагда вполнѣ. Бездарный композиторъ безжалостно разрывалъ её и клеилъ въ свое безчувственное, деревянное созданіе. Но лучшія пѣсни и голоса слышали только однѣ Украинскія степи: только тамъ, подъ сѣнью низевскихъ глиняныхъ хатъ, увѣчанныхъ шелковицами и черешнями, при блескѣ упра, полудня и вечера, при лимонной желпизнѣ падающихъ колосевъ пшеницы, онѣ раздаются, прерываемыя одвѣми спенными чайками, вереницами жаворонковъ и спенащими вволгами.

Я не распространяюсь о важности народныхъ пѣсень. Это народная Исторія живая, яркая, ис-

полненная красокъ, испины, обнажающая всю жизнь народа. Если его жизнь была дѣятельна, разнообразна, своевольна, исполнена всего поэтического, и онъ при всей многоспоровности ея не получилъ высшей цивилизаціи, то весь пылъ, все сильное, юное бытіе его выливается въ народныхъ пѣсняхъ. Они — надгробный памятникъ былаго, болѣе нежели надгробный памятникъ. Камень съ краснорѣчивымъ рельефомъ, съ историческою надписью — ничто противъ эпои живой, говорящей, звучащей о прошедшемъ лѣтописи. Въ этомъ отношеніи пѣсни для Малороссіи — все: и Поэзія, и Исторія и опцовская могила. Кпо не проникнуть въ нихъ глубоко, потъ ничего не узнаеть о пролекнемъ бытѣ эпои цѣлпущей частп Россіи. Историкъ не долженъ искапать въ нихъ показанія для и числа битвы, ими почнато объясненія мѣста, вѣрной реляціи: въ этомъ отношеніи не многія пѣсни помогутъ ему; но когда онъ захочеть узнать вѣрный бытъ, спихія характера, всѣ изгибы и оплѣнки чувствъ, волненій, спраданій, веселій изображаемаго народа, когда захочеть выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворень вполне; Исторія народа разоблачится передъ нимъ въ ясномъ величіи.

Пѣсни Малороссійскія могутъ вполне называться историческими, потому что овѣ не опрываются ни на мигъ отъ жизни и всегда вѣрны погдашней минутѣ и погдашнему сослоянію чувствъ. Вездѣ проникаеть ихъ, вездѣ въ нихъ дышитъ эша широкая воля казацкой жизни. Вездѣ видна ша

сила, радость, могущество, съ какою Казакъ бросаетъ пищину и безопасность жизни домовишой, чтобы вдатъся во всю позовію битвъ, опасностей и рзгульваго пиршества съ поварищами. Ня чернобровая подруга, пылающая свѣжестью, съ карими очами, съ ослѣпительнымъ блескомъ аубовъ, вся преданная любви, удерживающая за спрѣмя коня его, ни пресшарѣлая машь, разливающаяся какъ ручей слезами, копорой вѣзмъ существованіемъ замадѣло одно машеринское чувшво — ничто не въ силахъ удержашъ его. Упрямый, непреклонный, онъ спѣшилъ въ ешѣпи, въ вольяицу поварищей. Его жену, машь, сестру, братьевъ, все замѣняетъ вамага гульмивыхъ рыцарей набѣговъ. Увы этого брашства для него выше всего, сильнѣе любви. Сверкаетъ Черное море; вся чудесная, неизмѣримая слепь опъ Тамана до Дуна — дикій океанъ цвѣшовъ, колышется однимъ налепомъ вѣпра; въ безпредѣльной глубинѣ неба понунъ лебеди и журавли; умирающій Казакъ лежитъ среди этой свѣжести дѣвственной Природы и собираетъ всѣ силы, чтобы не умереть, не взглянувъ еще разъ на своихъ поварищей.

То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вѣйска Козацького не вмирала.

Увидѣвши ихъ, онъ насыщается и умираетъ. Выспунаетъ ли Козацкое войско въ походъ съ пищиною и повиновеніемъ; извергаетъ ли изъ самопаловъ попогъ дыма и пуль; кружаетъ ли вольно медъ, вяно; описывающися ли ужасная казнь Гепмана, опъ копорой дыбомъ подымается волосъ, мщеніе

ли Казаковъ, видъ ли убитаго Казака, съ широко раскинутыми руками за правъ, съ размечаннымъ чубомъ, клеклы ли орловъ въ небѣ, спорящихъ о шомъ, кому изъ нихъ выдирали казацкія очи: все это живется въ пѣсняхъ и окинуто смѣлыми красками. Оспальная половина пѣсней изображаетъ другую половину жизни народа: въ нихъ разбросаны черпы быта домашааго; адсь во всемъ совершенная противоположность. Тамъ одни Казаки, одна военная, бивачная и суровая жизнь; здѣсь, напротивъ, одинъ женскій міръ, вѣжливый, покладивый, дышащій любовью. Эпи два пола видѣлись между собою самое хорошіе время и потомъ разлучались на цѣлыя годы. Годы эти были проводимы женщинами въ шоссѣ, въ ожиданіи своихъ мужей в любезныхъ, мелькнувшихъ передъ ними въ своемъ пышномъ военномъ убранствѣ, какъ сновидѣніе, какъ мечта. Онь шого любовь ихъ дѣлается чрезвычайно поэтической. Свѣжая, невинная, какъ голубка, молодая супруга вдругъ узнала все блаженство, весь рай женщины, копорая вся создана для любви. Все начало весны ея, проведенное съ эпимъ мощнымъ, вольнымъ пипомцемъ войны, сполнило для нее радость всей жизни въ одно быспро мелькнувшее мгновеніе. Пропивъ него ничло вся оспальная живь; ова живеть однимъ вѣмъ, однимъ эпимъ мгновеніемъ. Тоскуа, хдееть ова съ утра до вечера возвращаа своего черноброваго супруга.

Ой черные бровендша!

Лыхо мани зъ вами!

Не хочеть ночеваты

Ни ноченьки сами.

Она вся живетъ воспоминаніемъ. Все, на что они глядѣли вмѣстѣ, куда они вмѣстѣ ходили, что вмѣстѣ говорили, все это припоминаетъ она, не упуская ни одной мелкой черпы. Она обращается ко всему, что ни видишь въ Природѣ, дышащей жизнью, и даже къ безчувственнымъ предметамъ, и всѣмъ имъ говоритъ и жалуется. И какъ просны, какъ поэтически-просны ея исполнены души рѣчи! Ко всему примѣняетъ она соподніе свое и не можетъ наговориться: потому что человѣкъ многорѣчивъ всегда, когда въ его груди заключается пайная сладость. Наконецъ съ пихамъ, но безнадежнымъ опчаяніемъ говоритъ она:

Да вжежь минн не ходышы
Куды я ходыла!
Да вжежь минн не любшы
Кого я любила!
Да вжежь минн не ходышы
Ранкомъ по-падъ замконь!
Да вжежь минн не стошы
Изъ моны коханкомъ!
Да вжежь минн не ходышы
Въ лиски по оришки!
Да вжежь минн минулися
Дивоцкія смышки!

Чтобы сколько нибудь сдѣлать доступною для незнающихъ Малороссійскаго языка глубину чувствъ, разсыпанныхъ въ лиски пѣсняхъ, привожу одну изъ нихъ въ переводѣ.

Разсердился, разгнѣвался на меня мой милый! Вошь онъ сдѣлаешь своего воронаго коня и ѣдетъ далеко-далеко ошь меня.

Куда же ты мой милый, голубчикъ мой сизый, куда ты уѣзжаешь? Кому ты меня беззащитную, молодую, кому оставляешь?

Осцаваю тебя, моя милая, одному Богу, Жди меня, пока я не возвращусь изъ дальнеѣ дороги.

О еслибъ я знала, еслибы я видѣла, откуда будетъ ѣхать мой милой: я бы ему по вѣей дорогѣ мостила мосты изъ зеленаго шроспника в все бы ждала его въ госпити.

Боже Всесильный! выровняй всѣ долины и горы, чтобы вездѣ было ровно, чтобы опшолъ ему до самаго дому было хорошо ѣхать,

Чу! луга шумящъ, берега звенящъ, по дорогѣ зеленѣетъ шрава — ашо онъ! ашо мой милый ѣдетъ!

Чу! луга шумящъ, берега звенящъ, расцвѣшаетъ калина — вѣрно гдѣ нибудь мой милый, голубчикъ мой сизый, съ другою разговариваетъ,

Боди съ шакою, какъ я, ш. . . , помоги ему, Боже! когда же не съ шакою, но съ худшею — разлучи его, Боже!

Можно привесть до тысячи подобныхъ пѣсень, можетъ быть даже гораздо лучшихъ. Всѣ онѣ благозвучны, душисты, разнообразны чрезвычайно. Вездѣ новыя черпы, новыя краски, вездѣ простота и невыразимая нѣжность чувствъ. Гдѣ же мысли въ нихъ коснулись религіознаго, шамъ онѣ необыкновенно поэтически: онѣ не изумляются колоссальнымъ созданіемъ вѣчнаго Творца; это изумленіе принадлежитъ уже сплывшему на высшую ступень самопознанія; но ихъ вѣра шамъ невинна, такъ пророгашельца, шамъ непорочна, какъ непорочна душа младенца. Онѣ обращаются къ Богу, какъ дѣти къ отцу, онѣ вводятъ Его часто въ бытъ своей жизни съ такою невинною простотою, что безъискусственное Его изображеніе становится у нихъ

величвопвненнымъ въ самой простотѣ своей. Отъ этого самые обыкновенные предметы въ пѣсняхъ ихъ облакаются невыразимою поэзію: чему еще болѣе помогаютъ остатки обрядовъ древней Славянской Мифологіи, которые онѣ покорили Христіанству. Часто поскоующая дѣва умоляетъ Бога, чтобы Онъ засвѣшилъ на небѣ восковую свѣчку, пока ея милый перебредетъ черезъ рѣку Дунай. На всемъ печать чиснаго первоначальнаго младенческаго, спало бытъ и высокой Поэзіи. Изложеніе пѣсней ихъ, какъ менскихъ, такъ и Казацкихъ, почти всегда драматическое — прѣвнѣкъ развитіи народнаго духа и дѣшельной, безпокойной жизни, долго обнямавшей народъ. Пѣсни ихъ почти никогда не обращаются въ описательныя и не занимающиса долго изображеніемъ Природы. Природа у нихъ едва только скользитъ въ куплетѣ; во пѣмъ не менѣе черпы ея такъ новы, живы, рѣзкі, что предспавляютъ весь предметъ: впрочемъ къ нимъ прибѣгаютъ для этого только, чтобы сильнѣе выразить чувства души в полному явленіи Природы послушно влекутся у нихъ за явленіями чувства. То же самое у нихъ предспавляется разомъ и во внѣшнемъ и во внутрешнемъ мірѣ. Часто извѣстнаго внѣшняго предмета находится только одна рѣзкая черпа, одна часть его. Въ нихъ нигдѣ нельзя найти подобной фразы: *былъ вечеръ*; во вмѣстѣ этого говорится то, что бываетъ вечеромъ, на пр.

Ой ревнула корова изъ череды йдучи;
Наскучило миленького ждучи.

Отъ этого весьма многіе, не понявъ, считали по-

добные обороты бессмыслицей. Чувство у нихъ выражается вдругъ, сильно, рѣзко, и никогда не охлаждается длиннымъ періодомъ. Во многихъ пѣсняхъ нѣтъ одной общей мысли, такъ что онѣ походяшъ на рядъ куплетовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ отдѣльную мысль. Иногда онѣ кажутся совершенно безпорядочными, потому что сочиняются мгновенно, и такъ какъ взглядъ народа живъ, по обыкновенно нѣ предметы, которые первые бросаются на глаза, первые помѣщаются и въ пѣсни; во за то изъ этой пестрой кучи вышибаются такіе куплеты, которые поражаютъ очаровательною безопчетностью Поэзіи. Самая яркая и вѣрная живопись и самая звонкая звучность словъ разомъ соединяются въ нихъ. Пѣсня сочиняется не съ перомъ въ рукѣ, не на бумагѣ, не съ спрогимъ расчетомъ, но въ вихрѣ, въ забвеніи, когда душа звучитъ и всѣ члены, разрушая равнодушное, обыкновенное положеніе, сплываются свободнѣе, руки вольно вскидываются на воздухъ и дикія волны веселья уносятъ его отъ всего. Это примѣчается даже въ самыхъ заувныныхъ пѣсняхъ, которыхъ раздирающіе звуки съ болью касаются сердца. Они никогда не могли излиться изъ души человѣка въ прозаическомъ состояніи, при настоящемъ возрѣніи на предметъ. Только тогда, когда вино перемѣщаетъ и разрушаетъ весь прозаическій порядокъ мыслей, когда мысли непоспихимо-спранно въ разногласіи звучатъ внушренимъ согласіемъ въ какомъ-то разгулѣ, торжественномъ, болѣе нежели веселомъ, душа, въ непоспихимой загадкѣ, изливается несперпимо - унылыми звуками. Тогда прочь

дума и бѣднѣе! Весь таинственный составъ его пребудеть звуковъ, однихъ звуковъ. Опъ того Поэзія въ пѣсняхъ неуволима, очарователна, граціозна, какъ музыка. Поэзія мыслей болѣе доступна каждому, нежели поэзія звуковъ, или, лучше сказать, поэзія Поэзіи. Ее одинъ только избранный; одинъ истинный въ душѣ Поэтъ понимаетъ; и потому—по часпо самая лучшая пѣсня оспаеетъ не замѣченною, тогда какъ незавидная выигрываетъ своимъ содержаніемъ.

Спихосложевіе Малороссійское самое выгодное для пѣсень: въ немъ соединяются выѣспѣ и размѣръ и понижа и рѣма. Паденіе звуковъ въ нихъ скоро, быспро; опъ того спрока вкогда почти не бываетъ слишкомъ длинна; если же это и случаетъ, то цезура по серединѣ съ звонкою рѣмою перерѣзываетъ ее. Чистые, пропѣжные ямбы рѣдко попадаются; болшею частію быспрые хорей, дакпиль, амфиврахи лепятъ шибко одинъ за другимъ, прихотливо и вольно мѣшающа между собою, производятъ новые размѣры и разнообразятъ ихъ до чрезвычайности. Рѣмы звучатъ и сшибаются одна съ другою, какъ серебряныя подковы шамцующихъ. Вѣрность и музыкальность уха—общая принадлежность ихъ. Часпо вся спрока созвукиваетъ съ другою, не смотря, что иногда у обѣихъ даже рѣмы нѣспѣ. Близость рѣмъ изумительна. Часпа спрока два раза терпитъ цезуру и два раза рѣмуетъ до замыкающей рѣмы, коцорой сверхъ того даетъ опѣспѣ вторая спрока, тогда два раза созвукнувшись на серединѣ. Иногда вспрѣчается такая рѣма, коцорую по видимому нельзя назвать рѣмою, но она пакъ вѣрна своимъ опголоскомъ звуковъ, что

правится иногда болѣе нежели рѣма, и никогда бы не пришла въ голову Поэту съ перомъ въ рукѣ.

Характеръ музыки нельзя опредѣлить однимъ словомъ: она необыкновенно разнообразна. Во мвогихъ пѣсняхъ она легка, граціозна; едва только касается земли и, кажется, шалить, рѣзвится звуками. Иногда звуки ея принимаютъ мужественную физиономію, спановяются сильны, могучи, крѣпки; стопы пыжело ударяють въ землю, и кажется, какъ будто бы подъ нихъ можно писаль одного только гопака или прѣпака. Иногда же звуки ея спановяются чрезвычайно вольны, широкі, взмахи гигантскіе, силаціеся обхватить бездну пространства, вслушиваясь въ которые панцующій чувствуетъ себя исполиномъ: душа его и все существованіе раздвигается, расширяется до безпредѣльности. Онъ опдѣляется вдругъ опъ земли, чпобы сильнѣе ударить въ все блестящими подковами и взнеспись опяль на воздухъ. Чпо же касается до музыки грусти, то она нигдѣ не слышна шакъ, какъ у нихъ. Тоска ли это о прерванной юности, которой не дали довеселиться; жалобы ли это на безпріютное положеніе погдашней Малороссіи... во звуки ея живутъ, ягутъ, раздирають душу. Русская заунывная музыка выражаетъ, какъ справедливо замѣнилъ Максимовичъ, забвеніе жизни: она спремается уйпи опъ нее и заглушитъ всѣдневныя нужды и заботы; но въ Малороссійскихъ пѣсняхъ она слилась съ жизнью — звуки ея шакъ живы, чпо кажется не звучатъ, а говорятъ: говорятъ словами, выговаривають рѣчи и каждое слово этой яркой рѣчи проходитъ душу. Взвизги ея иногда шакъ похожи на крикъ сердца, чпо оно

вдругъ и внезапно, вдрагиваетъ, какъ будто бы коснулось къ нему ослепое желѣзо. Безошрадное, равнодушное опчальніе иногда слышатся въ ней такъ сильно, что заслушавшійся забывается и чувствуваетъ, что надежда давно улетѣла изъ міра. Въ другомъ мѣслѣ опривисныя стеченія, вопли, такіе яркіе, живые, что съ препешомъ спрашиваешь себя: звуки ли это? Это невыносимый вопль мащери, у которой свирѣлое насиліе вырываетъ младенца, чтобы съ звѣрскимъ смѣхомъ расшибить его о камень. Ничто не можешь быть выше народной музыки, если только народъ имѣлъ поэтическое расположеніе, разнообразіе и дѣшность жизни; если написки насилій и непреодолимыхъ вѣчныхъ препяшствій не давали ему ни на минушку уснуть и вынуждали изъ него жалобы, и если эти жалобы не могли иначе и вгдѣ выразиться, какъ только въ его пѣсняхъ. Такова была беззащитная Малороссія въ ту годину, когда хищно ворвалась въ нее Унія. По нимъ, по этимъ звукамъ можно догадываться о ея минувшихъ спраданіяхъ, такъ точно, какъ о бывшей бурѣ съ градомъ и проливнымъ дождемъ можно узнать по брилліанповымъ слезамъ, унизывающимъ съ низу до вершины освѣженныя деревья, когда солнце мечетъ вечерній лучъ, разрѣженный воздухъ чистъ, вдали звонко дребезжишь мычаніе сшадъ, голубоватый дымъ — вѣспникъ деревенскаго ужина и довольства — несетъ свѣплыми кольцами къ небу и вечеръ, тихій, ясный вечеръ обнимаепъ успокоенную землю.

Н. Гоголь.

- Учебныхъ Округовъ и Отдѣльныхъ Управле-
ній относительно замѣщенія должностей По-
чешныхъ Смотрителей Училищъ. CXLII
23. (Мая 16) О платежѣ за пансіонировъ Риттель-
евского Лицея. CXLIV
24. (Мая 23) Объ опредѣленіи особыхъ Учителей
Численіи въ Харьковскомъ Учебномъ Округѣ.
. CXLV
25. (Мая 26) О предварительномъ принятіи въ
руководство Устава 8 Декабря 1828 года
въ Казанскомъ Учебномъ Округѣ. CXLVI
- Опредѣленія и увольненія. . CVIII — CXII, CXXXI
— CXXXII и CXLVI — CXLVIII.

ОТДѢЛЕНІЕ П.

Словесность и Науки.

- Опрывокъ изъ Исторіи Малороссіи *Н. В. Гоголя*. 1
- О Малороссійскихъ пѣсняхъ (его же). 17
- Новый Русскій Историкъ въ Германіи. Ординар-
наго Профессора Дерптскаго Университета
Крузе. 27
- Явноцвѣтныя и Тайноцвѣтныя растенія. Спашья 2-я
Ординарнаго Профессора Московскаго Уни-
верситета *М. Максимовца*. 153
- Сказаніе о Семирамидѣ. Ординарнаго Профессора
Дерптскаго Университета *К. А. Блума*. 170
- Новая метода преподаванія Хронологіи. 196
- Объ отношеніи между общимъ и частнымъ въ че-
ловѣческомъ познаніи (изъ Ансидьона). Свя-
щенника *Ф. Сидонскаго*. 353
- Библіотека Великаго Князя Василія (IV) Иоанно-
вича и Царя Иоанна (IV) Василіевича. Орди-
нарнаго Профессора Дерптскаго Универси-
тета *Ф. Коссіуса*. 397